

Георгий Запалов

ВОРОНА

Георгий Запалов

Ворона

«Издательские решения»

Запалов Г.

Ворона / Г. Запалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905702-0

Не теряй надежду на жизнь, не теряй любовь к жизни, не теряй веру
в жизнь. Никогда и нигде. Нельзя изменить прошлое, но можно изменить свое
отношение к нему.

ISBN 978-5-44-905702-0

© Запалов Г.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ворона

Георгий Запалов

Редактор Владимир Ведерников
Фотограф cocoparisienne

© Георгий Запалов, 2018
© cocoparisienne, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-5702-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пресвятая Богородица! Смиренно молю Тебя, ниспошли мне, в мучениях лютым недугом, милость и благодатную помощь Твою и избавь меня, о все милосердная Матерь Божия, от этого страшного недуга, терзающего плоть мою и испепеляющего душу мою.....Аминь.

1

– Ну, где же ты, подружка? Уже стемнеет скоро, а тебя все нет. Ты всегда прилетала в одно и то же время и в любую погоду. Почему же сегодня все не так? Может, случилось что-то с тобой, а я тут жду тебя. Скоро закончится зима и снова будет тепло. Весна, это моё любимое время года. Увижу ли я, доживу ли? Всё идет к тому, что нет. Знаешь, подружка, а я ведь загадала, что умру в тот день, когда не увижу тебя. Грустно, но может быть сегодня именно такой день? Если тебя нет, значит, все для меня закончилось. Ну и хорошо, в конце концов, хватит мучить себя и других. Вот прямо сейчас досчитаю до ста, открою шкаф, достану аптечку и поставлю большую и жирную точку в этой скучной и однообразной мыльной опере под названием «Моя непутёвая жизнь».

Она прислонилась лбом к холодному оконному стеклу и посмотрела вниз. Люди спешили с работы домой, дворник прокладывал лопатой дорожки в снегу, все было как прежде. С высоты пятого этажа, все это, вдруг показалось ей бесполезной суетой маленьких людей, которым не было никакого дела до неё и всего что с ней связано. Она медленно нарисовала пальцем, на запотевшем от ее горячего дыхания стекле, сердечко пробитое стрелой и нервно стерла свой рисунок дрожащей рукой.

– Интересно, сколько нужно выпить этих таблеток, чтобы уйти? Наверное, пары пачек будет достаточно. Хорошая смерть. Заснуть и не проснуться. Ничего не болит, никому не мешаешь жить. Сын рассказывал, что в юности у него был друг, который работал санитаром в морге. Так вот однажды, когда у него было ночное дежурство, сын с приятелем пришли к нему в гости. И представляешь, этот мерзавец, приволок музыкальные инструменты, и рассаживал покойников, словно музыкантов духового оркестра. Не знаю, что его забавляло в этом гадком и кошунственном занятии, но сын тогда прибежал домой в шоке и мне все рассказал. Я представила эту жуткую картину и сказала ему, что не хотелось бы после своей смерти сидеть в морге с саксофоном. Мы с ним тогда еще посмеялись над этим. Теперь же смерть так близко, что мне не до смеха. Что-то я ударилась в воспоминания. Хватит скучных и жалостливых рассуждений, начинаю считать.

Она отошла от окна, намеренно громко шаркая ногами, на которых болтались старенькие, затертые тапочки, явно большего размера. Долгие месяцы одинокого существования отложили неизгладимый отпечаток на её характер и манеры поведения. Ей было известно наверняка, что соседи слышат, как она ходит по квартире, передвигает предметы или что-то роняет на пол. Это придавало ей дополнительной уверенности в себе. Пусть знают, что живая, пусть слышат, думала она и победно улыбалась.

– Один, два, три... Три – ровно столько месяцев мне отпускали врачи в разных клиниках, куда мы с сыном безуспешно пытались пробиться за помощью. Всюду от нас отмахивались, вздыхая и отводя в сторону взгляд. Четыре, пять, шесть. Шесть... Сыну было шесть лет, когда я впервые привела его в цирк. Удивительно, но все представление, он сидел и смотрел на музыкантов. Даже клоуны были ему не интересны. Скрипач играл так, что слезы наворачивались на глаза. 14, 15, 16... Когда мне исполнилось шестнадцать, мама сшила мне платье из марли, и я пошла в нем на школьный выпускной бал. Денег у нас не было, и это был единственный выход из ситуации. Я чувствовала себя неловко, но держалась с достоинством. 19, 20, 21... Мне был 21 год, когда я встретила его, мужчину всей своей жизни. Романтика, море, ночь, пустынный берег. Мы шли на встречу друг другу под шум прибоя, босыми ногами по мокрому песку. Это был самый красивый мужчина в мире. Сын родился через год. Я была счастлива. Это был самый красивый ребенок в мире. Он и сейчас самый красивый, взрослый, самостоятельный.

Она закрыла лицо руками, тяжело вздохнула и горько заплакала. Секунды сливались в минуты, минуты в часы, часы в дни, дни в месяцы, и время превращалось в безысходность.

Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть... Неумолимым маятником стучало в ее голове. 36,6 – странная температура для полного приговора, злой и хладнокровный доктор говорил, что при таком диагнозе, и на последней стадии, стабильно должна быть 38,8. Как страшно звучит: «последняя стадия». Надо еще раз измерить, может быть, градусник сломался. Хотя о чем это я?

– А как же сын? Он останется здесь один, без меня, – отчаянно кричало подсознание. – Намучился со мной, нервный стал, я чувствую, что он терпит все это из последних сил. Мой мальчик молодец, крепкий парень, весь в отца. Сорок восемь, сорок девять... Памятная и страшная цифра сорок девять. Муж умер внезапно, ровно за три дня до пятидесятилетнего юбилея. Вот так сел за стол, рюмку поднял, и навсегда остался в своем возрасте. Жаль его, хороший был человек, талантливый и очень добрый.

Счет неумолимо приближался к черной сотне, за которой уже ничего быть не могло.

– Эх, подружка, смотри, сколько воронья летает, а тебя нет. Видишь, как кругами выводят, слетелись, ждут меня. А я тебе хлебушка приготовила, как обычно. Мы с тобой столько времени проводили вместе. Неужели я так надоела тебе? Может ты другую подружку нашла себе? Видишь, сколько вопросов и ни одного ответа.

Взглядом полным отчаяния и надежды, она разглядывала верхушки засыпанных снегом деревьев и обледенелые крыши многоэтажек. Ей вдруг пришло в голову, что закованные в лед телевизионные антенны, напоминают могильные кресты на зимнем кладбище. От этой мысли ей стало жутко.

– Восемьдесят восемь, восемьдесят девять – чеканил колокольным набатом мозг. 89-й сложный был год, сын ушел в армию в одной стране, а вернулся в другую. Пустые полки, нищий народ, трудно было, но выжили как-то. Выжили. Светлое слово. Дарит надежду. Выжили. Онкология – это действительно приговор и билет в один конец. Ей это сказали еще в августе, пять месяцев назад, сразу после консилиума. Главврач, в белоснежном халате, вышел из кабинета, холёной ручкой со свежим маникюром, поправил на носу с горбинкой стильные очки в золотой оправе и цинично провел жирную, черную черту приговора: «Опухоль не операбельна. Вы обратились слишком поздно, вам осталось жить максимум три месяца, может быть чуть больше, идите домой, в вашем случае, медицина бессильна.

Он говорил что-то еще, но она уже не обращала внимания на его слова. Слезы текли, по щекам и душа разрывалась на части. Он говорил про химиотерапию и облучение, называл какие-то цифры, а она иступлённо смотрела на золотые часы на его руке и изредка всхлипывала, безнадежно и жалостливо.

– Девяносто пять, девяносто шесть, девяносто семь – стучало кровью в висках. Бабушка прожила 97 лет, так и умерла у меня на руках. Посмотрела в потолок, вздохнула и вдруг сказала: «Бога нет». И ушла, тихо, мирно и спокойно. Я думаю, она была не права. Бог есть. Почему-то именно сейчас подумала, что моя душа после смерти поселится в птицу, в ворону, например. Вот и будем мы с тобой подружка летать вместе. А почему бы и нет? Хоть поболтаем вволю.

– Все. Надо ставить точку. Не могу больше так. Спасибо тебе подружка. Если тебя нет, значит это знак, что пора и время вышло. Граф Монте-Кристо был не прав, ждать и надеяться не имеет смысла, все предельно ясно и понятно. Девяносто восемь, девяносто девять, сто.

Она высыпала на стол горсть таблеток, набрала стакан воды прямо из-под крана, и уже без всякой надежды бросила беглый взгляд в окно. Вороны не было. Она зажмурилась, несколько раз глубоко вздохнула и выдохнула, после чего, проглотила таблетки одну за другой, запивая их водой. Даже записки не оставила, пронеслось в голове, стены заходили ходуном, голова закружилась, картинки из её жизни замелькали перед глазами. Потом вдруг стало тихо и спокойно, она медленно уходила в вечность. «Слава Богу, всё!» – последнее, что откликнулось эхом в голове, прежде чем наступила полная темнота.

2

– Куда собралась? У тебя всегда так спокойно и просто? Ну, знаешь, голубушка, это еще заслужить надо, чтобы вот так без проблем, раз и все. Смотри, чего удумала? Это же эгоизм, в чистом виде. А ты помнишь, куда попадают самоубийцы, такие как ты? Таблетки сейчас делают свое дело. До ста ты посчитала. Всю жизнь перед глазами пропустила. Все вспомнила? Ничего не забыла? Может мне тебе напомнить, что ни будь, подружка?

Голос был странным. Ей показалось, что он близкий и знакомый, но в тоже время чужой и холодный. Своей хрипловатостью он напомнил ей воронье карканье или может быть голос диктора из старого репродуктора, который звучал сквозь стены. Она огляделась по сторонам. Всё было, как прежде. Знакомая комната, большое окно, на улице хлопьями шел снег. Но при этом яркое, слепящее глаза солнце. Странное ощущение легкости и душевной радости.

«Ничего не болит, – подумала она. Удивительное и давно забытое чувство. В этот момент проскочила мысль, – вот так и должна выглядеть смерть. Всю жизнь ты к ней готовишься, страдаешь, мучаешься, а потом она приходит и разом избавляет тебя от всего плохого. К сожалению, и от всего хорошего, избавляет тоже. Интересно, что-то же будет дальше?»

Голос заговорил снова и звучал так, словно его пропустили через металлическую трубу.

– Начнем с самого начала. Давай вспомним основные и самые важные события твоей жизни, тебе так легче будет расставить все по своим местам. Главное, ничего не перепутай, ничего не забудь и ничего не бойся, я же с тобой, – голос становился все громче и отчетливей. В какой-то момент закружилась голова. Ей стало казаться, что у неё сейчас лопнут барабанные перепонки. Она закрыла уши руками и прислонилась к стене, чтобы сохранить равновесие и не упасть.

Невероятно больших размеров ворона, с трудом сопротивляясь снегопаду, плавно полетела к окну и села на карниз. Их разделяло всего лишь стекло, тонкая грань между реальностью и неизвестностью. Она осторожно подошла совсем близко к окну и приложила обе ладони к стеклу. Слезы текли по ее щекам, сердце колотилось бешено и учащенно. Ворона громко захлопала крыльями, отряхивая снег, звонко стукнула изогнутым клювом по стеклу, наклонила слегка голову на одну сторону и игриво подмигнула правым глазом.

– Ты прилетела, – шептали сухие, потрескавшиеся губы, – ты все-таки прилетела, я знала, я надеялась и верила, что ты не оставишь меня одну.

– Хватит вот этих вот нежностей, – сказала ворона. – Полетели дитя моё, нам сегодня многое надо успеть, скоро стемнеет, а я не люблю летать, когда ничего не видно. И потом, мне надо проверить, как ты держишься в воздухе. Эти люди, они такие неуклюжие, так и норовят, во что-нибудь врезаться или просто свалиться, одни мучения с вами. Давай собирайся, страдальца, вас так много, а я одна.

«Странная птица, – подумала она, – разговаривает, изъясняется какими-то загадками и почему-то называет меня «дитя моё». Хотя какое это уже имеет значение? Я же умерла и это мне просто, кажется. И всё же, как я безумно рада её видеть, пусть она и опоздала, и тащит теперь меня неизвестно куда и непонятно зачем. Но она прилетела, мы снова вместе, и это уже хорошо.

Громкий звук разбитого стекла за спиной заставил вздрогнуть от неожиданности. Она резко обернулась. Большое зеркало в прихожей стояло на своем прежнем месте, и было целым. Но что это? Вместо своего привычного отражения, она увидела в зеркале девочку лет семи, с задорными косичками и в голубой пижаме с ромашками. Девчушка строила ей смешные рожицы и точь-в-точь повторяла все её движения.

«Я очень хорошо помню эту пижаму. И косички помню, мне бабушка их заплетала всегда перед сном. Да что это со мной? Моё отражение! Это галлюцинации? Это же я!» – воскликнула

она и вопросительно посмотрела на ворону, которая все это время, важно расхаживала вдоль окна туда-сюда и при этом методично покачивала головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.